

Ципурский Г.В.

Уличный мир и молодые хулиганы в пост-сталинском Советском Союзе¹

«Вызывает особую тревогу то обстоятельство, что в целом ряде школ области вследствие крайне низкого уровня воспитания учащихся и неудовлетворительной работы комсомольских и пионерских организаций, отдельные группы учащихся пытаются создавать различные "общества", "штабы", "клубы", или встают на преступный путь. Подтверждением этому может служить статистика уголовных преступлений, совершенных подростками в городе Ростове на протяжении последних трех лет»².

Эти слова из отчета от 3 мая 1956 года бригады представителей ЦК ВЛКСМ, откомандированных в Ростовскую область для выяснения ситуации с теми, кто, как сказано в отчете, попирает нормы коммунистической морали. При прочтении этой цитаты, а также других аналогичных цитат в архивных документах этого времени, возникает несколько вопросов: каков был уличный мир тех времен? Какие аспекты поведения молодежи вызвали недовольство представителей ЦК ВЛКСМ? Что послужило источником для внутренних культурных практик такого рода «клубов»? Каким образом анализ подростковых группировок может помочь нам сформировать более широкое представление о нонконформистской молодежи того времени?

Ища ответы на эти вопросы, надо иметь в виду, что марксистско-ленинская теория придавала молодежной политике крайне большое значение. Это отражено, например, в словах Ленина о том, что «именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества»³. В годы после-сталинской оттепели, от смерти Сталина в 1953 году и до конца шестидесятых, молодежь стала особенно значимой для советского руководства, которое считало, что социализация «оттепельного поколения»⁴ является ключевым процессом для построения идеального коммунистического будущего⁵. В связи с этим несколько

¹ Ранее опуб. в сборнике: Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Сост. Д. В. Громов, отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М.: ИЕА РАН, 2009. С. 73-93.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), фонд (ф.) М-1, опись (оп.) 33, дело (д.) 813, лист (л.) 10.

³ Учиться коммунизму. Кн. 1. В.И. Ленин, КПСС: о партийном руководстве комсомола. М., 1982. С. 41.

⁴ Как его назвали Людмила Алексеева и Пауль Гольдберг. См.: Alekseeva L., Goldberg P. The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era. Boston, 1990.

⁵ Как выразился ЦК КПСС в поздравлении XIV Конгрессу ВЛКСМ. См.: Справочник партийного рабочего. Вып. IV. М., 1963. С. 681-684.

странным кажется тот факт, что важнейшие труды о советской молодежи, основанные на базе архивных документов, стали появляться только в последние годы. Среди них есть работы, освещающие важнейшие вопросы, касающиеся той части молодежи, на которую в официальном дискурсе послевоенных и хрущевских лет был навешан ярлык «девиантной»⁶, а именно стилияг и политических диссидентов, как правило представителей студенческой молодежи⁷. Намного реже встречаются исторические работы, посвященные рабочей молодежи, чей нонконформизм чаще всего выражался в поведении, советской властью названном «хулиганством». Существует несколько работ о хулиганстве периода «оттепели», но и они больше фокусируют внимание на государственной политике, нежели на поведении самой молодежи и очень редко упоминают категорию несовершеннолетних, подростков и юношей с двенадцати до семнадцати лет⁸. Моя статья дела-

⁶ Эти ярлыки, по теории маркирования (labeling theory) происходят, когда доминантные группы в обществе используют свою власть для навязывания такого ярлыка социально слабым группам, которые каким-то образом противостоят власти доминантных групп, и таким образом стараются достичь социального контроля. В нашем контексте доминантные группы – это те государственные деятели, которые через официальный дискурс и государственную политику маркировали некоторых молодых людей как «девиантов», потому что последние выходили за рамки предложенного поведения. Про теорию маркирования см. классическую работу: Becker H.S. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. N.Y., 1973 [1966]. О дальнейшем использовании этой теории см.: Pfohl S. *Images of Deviance and Social Control: A Sociological History*. N.Y., 1994. P. 345-98; *Theories of Deviance* / Ed. S.H. Traub, C.B. Little. Itasca, 1985. P. 277-332.

⁷ Стилияги, молодежь, настроенная на западноевропейский и американский стиль и культуру, описаны во многих работах, например: Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Фарца: Подполье советского общества потребления // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 5; Edele M. *Strange Young Men in Stalin's Moscow: The Birth and Life of the Stiliagi, 1945-1953* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2002. № 50.1. P. 37-61; Roth-Ey K. *Mass Media and the Remaking of Soviet Culture, 1950s-1960s*. Ph. D. diss.: Princeton University, 2003. P. 46-98; Fürst J. *The Importance of Being Stylish: Youth, Culture and Identity in Late Stalinism / Late Stalinist Russia*, P. 209-30; Stites R. *Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900*. N.Y., 1992. P. 123-147; Pilkington H. *Russia's Youth and its Culture: A Nation's Constructors and Constructed*. N.Y., 1994; Fitzpatrick S. *Social Parasites: How Tramps, Idle Youth and Busy Entrepreneurs Impeded the Soviet March to Communism* // *Cahiers du monde russe*. 2006 № 47:1-2. P.1-32. Про политическую оппозицию см. Ваксер А.З. *Ленинград послевоенный. 1945-1982 годы*. СПб, 2005, С. 410-433; Силина Л.В. *Настроения советского студенчества, 1945-1964*. М., 2004; Zubkova, E. *Russia After the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945-1957*. Armonk, 1998; Tromly B.K. *Re-Imagining the Soviet Intelligentsia: Student Politics and University Life, 1948-1964*. PhD. diss.: Harvard University, 2007; Kharkhordin O. *The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley, 1999, P. 279-302; Герасимова О.Г. *Общественно-политическая жизнь студенчества МГУ в 1950-е – середине 1960-х годов*. Дисс. канд. ист. наук. М., 2008.

⁸ Про хулиганство в оттепельные годы в более обширном смысле см.: LaPierre B. *Defining, Policing, and Punishing Hooliganism in Khrushchev's Russia*. PhD. diss., University of Chicago, 2006; idem. *Making Hooliganism on a Mass Scale: The Campaign against Petty Hooliganism in the Soviet Union, 1956-1964* // *Cahiers du monde russe*. 2006 № 47.1-2, P. 349-75; idem. *Private Matters or Public Crimes: The Emergence of Domestic Hooliganism in the Soviet Union, 1939-1966* // *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia* / Ed. L.H. Siegelbaum. N.Y., 2006. P. 191-207; Dobson M. "Show the Bandit-Enemies no Mercy!": Amnesty, Criminality, and Public Response in 1953 // *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era* / Ed. P. Jones. N.Y., 2006, P. 21-40; Kozlov V.A. *Mass Uprisings in the USSR: Protest and Rebellion in the Post-Stalin Years*. Armonk, 2002; Hessler J. *Death of an African Student in Moscow: Race,*

ет вклад в эту малоисследованную сферу историографии; как базу данных я использую главным образом архивные материалы⁹.

До недавнего времени исследование группировок молодежи, отходящей от общепринятых нравов, чаще всего использовало теорию «субкультур». Эта идея стала популярной, начиная с цикла работ английских исследователей 1970-х годов, которые под влиянием Грамши и Альтюссера рассматривали «тедди бойз», «модов», «скинхедов» и другие молодежные направления как оппозицию рабочего класса гегемонии буржуазных институтов английского общества. Концепция субкультур в этих работах включала в себя классовый статус как детерминирующий фактор, строгие границы между субкультурой и обществом, четко выраженную субкультурную символику и ее яркое публичное выражение¹⁰. Но в последнее время появился ряд исследователей, более критически относящихся к модели субкультур. Они полагают, что данная концепция плохо отражает совокупность влияний на молодежные группировки, утрирует сложность их внутреннего мира, не может достоверно объяснить переход молодежи из одной группы в другую, а также принадлежность к разным молодежным группам в одно и то же время. Эти исследователи предложили ряд иных, «пост-субкультурных» моделей, например, «альтернативные стили жизни» или «неотрайбс (новые племена)», как отражающие ключевое влияние глобализации культурных практик и потребительства в жизни молодых людей¹¹. Но и эти модели также были под-

Politics, and the Cold War // *Cahiers du monde russe*. 2006 № 47. 1/2. P. 33-63. Исключения, в которых упоминается хулиганство этих лет: Kelly C. *Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991*. New Haven, 2007 и Fürst J. *Between Salvation and Liquidation, Homeless and Vagrant Children and the Reconstruction of Soviet Society* // *The Slavonic and East European Review*. 2008. № 86. 2. P. 232-258. Про эпизоды хулиганского поведения советской молодежи в другие времена см., напр.: Громов Д.В. Люберецкие уличные молодежные компании 1980-х годов: субкультура на перепутье истории // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 4. С. 23-38 и Hagenloh P. *Juvenile Delinquency, Social Welfare, and Soviet Criminology in the 1930s* // Conference paper at the Forty-Sixth Annual Southern Conference on Slavic Studies in Atlanta, Georgia, March 27-29, 2008.

⁹ Хотя эти документы дают взгляд с точки зрения государства, их функция была передать информацию наиболее точным образом, что позволяет исследователям наиболее близко приблизиться к тому, что происходило в бытовой жизни. Эти документы были извлечены из следующих архивов: РГАСПИ, который содержит архив ВЛКСМ и также архив КПСС до 1953 года; Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), который содержит архив КПСС после 1953 года; Центральный архив города Москвы (ЦАГМ), в котором архив московского правительства; наконец, Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ), в котором находятся документы московского КПСС и ВЛКСМ.

¹⁰ Работы зарубежных исследователей, использующих эту концепцию: Cohen S. *Folk Devils & Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers*. N.Y., 1987; Widdicombe S., Wooffitt R. *The Language of Youth Subcultures: Social Identity in Action*, Cambridge, 1995; European Cities, Youth, and the Public Sphere in the Twentieth Century / Ed. A. Schildt, D. Siegfried. Burlington, 2005; idem. *Between Marx and Coca-Cola: Youth Cultures in Changing European Societies, 1960-1980*. N.Y., 2006; Brake M. *Comparative Youth Culture: The Sociology of Youth Cultures and Youth Subcultures in America, Britain, and Canada*. N.Y., 1985 и т.д.

¹¹ См. подборку статей с пост-субкультурным анализом: *After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture* / A. Bennett, K. Kahn-Harris. N.Y., 2004. Особенно обратите внимание на вступление, которое имеет краткую историю теоретического подхода к анализу молодежных стилей: idem. Bennett A., Kahn-Harris K. Introduction // *ibid.* P. 1-18. Некоторые отечественные

вержены критике. Указывалось, что в них недостаточно внимания обращается на культурные практики на местах, особенно это касалось молодежи на периферии «Запада»; отмечалось, что при таком подходе недооценивались более традиционные маркеры идентичности (пол, социальный статус, национальности, сети родных и друзей и т.д.), которые оставались по-прежнему важными для молодежи. По итогам критики предлагалось для проверки достоверности абстрактных моделей использовать местный контекст и обратить серьезное внимание на то, как сами молодые люди относятся к своим культурным практикам¹².

Базируясь на архивных материалах, мы в данной статье рассмотрим хулиганские молодежные «штабы» «оттепельных» лет и покажем, что такие нонконформистские группы заимствовали идеи и символы для формирования своих культурных практик из различных источников. Включаясь в дискуссию об абстрактных моделях, мы считаем, что эти «общества» нельзя характеризовать как субкультуры, так как в них нет явного классового признака, а символические атрибуты и внутренняя культура далеко не стабильны и выражены нечетко, хотя, несомненно, отклоняются от официально преподносимой модели идеального советского молодого человека.

Молодежная криминальная среда послевоенных и «оттепельных» лет

В первые годы после смерти Сталина советские власти начали кампанию против хулиганства и другого «антиобщественного» поведения в молодежной среде. В отчетном докладе XI съезда ВЛКСМ 1949 года, первого послевоенного съезда, секретарь комсомола П.А. Михайлов еще не упоминал о проблеме молодежного хулиганства¹³. Но уже на следующем, XII съезде ВЛКСМ, проходившем в 1954 году, меньше чем через год после смерти Сталина, новый секретарь комсомола А.Н. Шелепин отмечал, что иногда «на глазах у комсомольцев отдельные юноши ведут себя развязно, хулиганят» и раскритиковал те комсомольские организации, которые «остаются порой безучастными к этим фактам, не выносят их на суд

исследователи также недавно начали критиковать теорию субкультурности: Гладарев Б.С. Формирование и функционирование milieu (на примере археологического кружка ЛДП-ДТЮ 1970-2000 гг.). <http://www.indepsocres.spb.ru/boriss.htm>; Гладарев Б.С. Жизненные миры «особой» ленинградской молодежи // Неприкосновенный запас. 2004. № 4.

¹² См. специальную серию журнала, особенно вступление: Pilkington H., Johnson R. Peripheral Youth: Relations of Identity and Power in Global/Local Context // European Journal of Cultural Studies. 2003. № 6. 3. P. 259-283.

¹³ Михайлов П.А. Отчетный доклад на XI съезде комсомола о работе ЦК ВЛКСМ. М., 1949. С. 32. Более подробно о подходе послевоенных советских властей к хулиганству, особенно про то, как мало внимания обращалось на это публичный дискурс, см.: Fürst J. Stalin's Last Generation: Soviet Youth and the Emergence of Mature Socialism 1945-56. Unpublished manuscript: forthcoming, 2009, глава 5.

общественности»¹⁴. Похожие высказывания звучали на комсомольских конференциях регионального уровня. Так, отчетный доклад московской отчетно-выборочной конференции 1954 года раскритиковал «факты недостойного, аморального, а порой и преступного поведения некоторой части молодежи», предоставив этому вопросу намного больше внимания, чем на предыдущих конференциях¹⁵. ЦК ВЛКСМ не только развернул критику хулиганства на съезде, но и издал серию документов, направленных против хулиганства. В июне 1954 года Бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление, направленное против хулиганства; подчеркивалась необходимость «вести решительную борьбу с этим злом»¹⁶. Несколько позже Бюро ЦК ВЛКСМ издало похожий указ против пьянства, призывавший «придавать общественному осуждению конкретных носителей антиобщественных поступков, совершенных на почве пьянства»¹⁷. В 1955 году тремя своими постановлениями ЦК ВЛКСМ снова обратил особое внимание на антиобщественное поведение молодежи, показывая тем самым, что эти меры не кратковременная кампания, а важное направление деятельности комсомольской организации. Несомненно, самым важным из действий ЦК ВЛКСМ по этому вопросу было закрытое письмо ЦК ВЛКСМ от августа 1955 года, адресованное всем комсомольским организациям страны, от обкомов до первичных комсомольских организаций, осуждающее «факты нарушения общественного порядка, пьянства, хулиганства и различного рода уголовных преступлений»¹⁸. Это девятистраничное письмо, выпущенное тиражом в 600000 экземпляров, с инструкцией уничтожить его в течение трех месяцев после получения, было беспрецедентным в истории комсомола, хотя коммунистическая партия пользовалась подобными письмами и раньше. Используя это письмо, ЦК ВЛКСМ подчеркивал важность своей новой политики против нарушения общественного порядка, выделяя ее из обычных методов работы с целью придания этому вопросу большего значения для работы на местах¹⁹. Подавляющее большинство фактов о криминальных молодежных «штабах» этих лет, приведенных во второй части статьи, были почерпнуты мной из отчетов о хулиганстве в молодежной среде, появившихся в архивах комсомольских организаций благодаря именно этой новой политике ВЛКСМ.

Как же власти определяли, какое именно поведение нарушает общественный порядок? Постановление ЦК ВЛКСМ 1954 года о хулиганстве упрекнуло те ком-

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 80. Л. 111-112.

¹⁵ ЦАОПИМ. Ф. 635. Оп. 13. Д. 267. Л. 44.

¹⁶ Постановление «О борьбе комсомольских организаций с проявлением хулиганства среди молодежи». См. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 831. Л. 9.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 841. Л. 81. ЦК КПСС принял похожее решение о борьбе с пьянством всех советских граждан, не только молодежи. См.: Трущенко Н.В., Мышенков Б.И. Наследникам революции. Документы партии о комсомоле и молодежи. М., 1969. С. 394-398.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 878. Л. 72.

¹⁹ Я описываю этот новый курс и его имплементацию более подробно: Tsipursky G. *Citizenship, Deviance, and Identity: Soviet Youth Newspapers as Agents of Social Control in the Thaw-Era Leisure Campaign* // *Cahiers du monde russe*, forthcoming.

сомольские организации, которые «терпимо относятся к проявлению хулиганства среди молодежи, зачастую мирятся с тем, когда хулиганы бесчинствуют, устраивают драки, сквернословят»²⁰. Письмо от августа 1955 года дало более подробный перечень тех, чьи модели поведения называют антиобщественными; это те, кто «отлынивают от труда, по-хамски относятся к девушкам, прожигают золотую пору своей жизни в пьяном угаре, хулиганят, воруют». Например, в письме была приведена ситуация в Курской области, когда «группа молодых парней надругалась над девушкой. Хулиганы нанесли ей ножевые ранения, от которых она умерла». Из того же письма: «Хулиганство и воровство, как зараза, проникают даже в среду подростков... В школе ФЗО № 1 города Красноуральска Свердловской области долгое время бесчинствовала кучка распоясавшихся хулиганов...»²¹. Таким образом, мы видим, что хулиганские действия по определению власти включали в себя драки, сквернословие, надругательство над девушками – от оскорбления до насилия, – чрезмерную выпивку и дебоширство разных форм. Термины «хулиганство» и «нарушение общественного порядка» часто использовались для обозначения одних и тех же форм поведения, определявшихся советской властью как «девиантные» и подлежащие ликвидации. В 1956 году советское государство приняло новый закон о «мелком хулиганстве», который был уже предназначен для всех категорий населения, а не только молодых людей; этот закон одной из своих целей ставил ликвидацию таких «девиантных» форм поведения, как сквернословие²².

Хотя кампания против нарушения общественного порядка развернулась в оттепельные годы, это не значит, что подобное поведение не отмечалось при Сталине. Высшие комсомольские органы обращали минимальное внимание на хулиганство совершеннолетней молодежи во время и после XI съезда, но есть несколько постановлений, которые упоминают хулиганские поступки учащихся в школе, но не обостряют на них внимание. В одном из этих постановлений критикуется «недисциплинированность» среди учащихся в городе Горьком, но, к сожалению для исследования хулиганства, это и похожие на него постановления фокусируются не на «антиобщественных поступках», а обращают большое внимание на плохую учебу и несоблюдение правил поведения в школе. Однако даже это постановление дает нам возможность увидеть эти негативные аспекты мира учащихся, упоминая «многочисленные факты, когда школьники, представленные сами себе, плохо ведут себя на улице, в общественных местах. Только в январе 388 учащихся школ города были задержаны органами милиции за нарушение общественного порядка». Так же это постановление включает в себя как пример лист «Правил для учащихся», оформленный в стиле стенгазеты и выпущенный тиражом в 200000 экземпляров. Среди 20 правил, написанных на этом листе, од-

²⁰ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 831. Л. 9.

²¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 878. Л. 76.

²² Хотя, как показывают исторические исследования, этот закон не был особенно эффективен. См. LaPierre. Making Hooliganism on a Mass Scale.

но направленно непосредственно против поведения, ассоциированного с хулиганством: «14. Не употреблять бранных и грубых выражений, не курить. Не играть в игры на деньги и вещи». Из остальных правил этого стенгазетного листа шесть требуют вежливого поведения и подчинения властям в школе и семье. Из этого тоже можно понять, что вежливость и подчинение администрации не всегда были свойственны учащимся²³. Более подробно о хулиганстве можно узнать из материалов отчетно-выборных конференций комсомольских организаций на местах. Например, на конференции Мосгоркома, прошедшей в январе 1953 года, описывался «вечер дружбы» в Институте цветных металлов и золота, который «окончился групповой дракой»²⁴. Из записки отдела Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) от февраля 1947 можно узнать, что уровень криминальности в Москве недавно поднялся, причем «в большинстве случаев преступления совершают уголовные элементы, в прошлом судившиеся, и молодежь. В числе последних многие работают на предприятиях или являются учащимися»²⁵. Но, в общем и целом, по данным письма Прокуратуры в ЦК КПСС, с 1948 по 1954 год число молодых людей до 25 лет, отданных под суд за уголовные преступления, резко упало. Так, если в 1948 году 246126 молодых людей были отданы под суд, то в 1950 году это число равнялось 191514, в 1952 году – 161344, а в 1954 году уже 146215 человек²⁶.

Если эта информация рисует картину антиобщественного поведения с позиции государства, то мемуары частных людей и интервью²⁷ помогают понять хулиганские аспекты мира дворов и улиц послевоенных и оттепельных лет советской истории. Рабочие окраины городов имели свои хулиганские компании, которые подразделялись на улицы и отдельные дворы: чужой, не «свой», зашедший в такой район, мог ожидать драки. Эта традиция существовала и до 1945 года. Во время эвакуации в Алма-Ате москвичка Ирина Борисовна, 1928 года рождения, жила на окраине города и ей приходилось идти в школу через «шанхай», где она должна была доказывать окружающим, что способна постоять за себя. Когда она первый раз хотела пересечь «шанхай», ее окружила толпа подростков-хулиганов; но Ирина взяла два кирпича и заявила потенциальным обидчикам, что, может быть, они и побьют ее, но и из них двое целыми не останутся, «и драка рассосалась». Она смогла приспособиться к такой атмосфере; Ирина Борисовна рассказывает о себе: «Я вообще была драчунья, и когда в новой школе увидела, как дети делают рогатки и стреляют гвоздями, я, конечно, тоже сделала рогатку и тоже стреляла гвоздями»²⁸. Другой информант, Владимир Михайлович, родившийся в

²³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 567. Л. 126-128.

²⁴ ЦАОПИМ. Ф. 635. Оп. 13. Д. 133. Л. 37.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 2-12.

²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 232. Л. 11.

²⁷ В 2008-2009 годах мы проводили интервью с людьми, которые в послевоенные и оттепельные годы были студентами московских вузов. Для сохранения анонимности я даю год рождения, имя и вымышленное отчество.

²⁸ Ирина Борисовна, интервью 7 ноября 2008.

1946 году, рассказывает, как в девятом классе, уже в оттепельные годы, его друг Юра завел себе подругу в соседнем переулке. Шайка из этого переулка начала угрожать Юре, тогда он собрал на драку знакомых из своего переулка, включая и Владимира, и с их помощью сумел отстоять себе проход на «чужую» территорию²⁹. Евгений Исаакович, 1946 года рождения, также вспоминает драки между дворами в Москве и проблемы, которые возникали у чужаков, пересекавших районы рабочих окраин. По пути в Дворец пионеров он бывал бит, с него сбивали шапку, крали деньги³⁰. Одним из таких хулиганов был Герман Иосифович, который родился в 1934 году в Москве. Ныне он рассказывает о себе: «С 4-го по 10-ый класс я был мальчиком, которого любили ребята (правда, не все) и не любили учителя (за очень редким исключением)». Герман и его друзья, которых он называет «уличными пацанами», или «шпаной», развлекались тем, что прыгали с трамвая на сильном ходу, соревнуясь друг с другом в смелости. Было у них и такое опасное занятие: зимой, изготовив специальные «крюки-хваталки» из толстой прочной проволоки и надев коньки, ребята зацеплялись крюком за борт грузовика и катились за машиной по зимним скользким улицам. Кулачная драка среди этих детей «была возведена в ранг спорта» со своими жесткими правилами: драка идет до первой крови, по паху не бьют, лежачего не бьют, тяжелые, режущие предметы не используют. Герман с несколькими друзьями крал марки у коллекционеров: напросившись в квартиру как потенциальный покупатель, он, интеллигентного вида юноша, в тот момент, когда коллекционер был отвлечен напарником, бритвой вырезал несколько страниц альбома. Герман Иосифович рассказывает, что уличная шпана вместе с ним нередко била пионеров. Рядом с его домом находился Дом пионеров, в котором занимался знаменитый детский ансамбль, а «уличные пацаны ненавидели и весь ансамбль, и его руководителей, и пионеров... Пионеры были приближены к власти, а мы были сами по себе, ничьи, полуголодные волчата, голодные шакалы, которым обидеть другого – не то, что не грех, даже кайф». Важно отметить, что сам Герман тоже состоял в пионерской организации: а под словом «пионер» в этом контексте имел в виду «хороших», примерных детей, делавших то, что им говорили, в отличие от «шпаны» вроде него самого. Он даже вспоминает, что уличные пацаны Сталина не любили и называли его «Сталин-сралин». Правительство они тоже не любили, так как власть, по его словам, «свободу не давала». Ему также были неприятны комсомольские активисты, которых он считал представителями той же самой власти. Сам он вступил в комсомол только в последние дни школы, скорее всего для того, чтобы иметь возможность поступить в институт³¹. Надо отметить, что не только «шпана» увлекалась блатной тематикой, так как и в пионерских лагерях пелись блат-

²⁹ Владимир Михайлович, интервью 7 ноября 2008.

³⁰ Евгений Исаакович, интервью 21 января 2009.

³¹ Помимо интервью с Германом Иосифовичем 6 февраля 2009 года, нами использованы его неопубликованные мемуары «Самоанализ, или развеять мифы».

ные песни³². Один мемуарист, в прошлом московский подросток, однако не хулиган, вспоминает, что в их школе в Москве послевоенных лет хулиганы «построили особый мирок, центр которого находился вне школы, в более или менее преступных шайках». По его словам, «возникало впечатление, что эти ребята враждебны общему типу жизни. Это были как бы диссиденты "снизу"... Наши хулиганы по типу лица, осанке, стилю одежды были какими-то внациональными, горбоносыми, как особый народ»³³. Таким образом, можно увидеть, что дворовая культура рабочих окраин существовала и в сталинские времена, и во время хрущевской оттепели.

Хулиганские «штабы», «общества», «клубы»

Центральный Комитет ВЛКСМ послал в Ростовскую область бригаду работников для прояснения вопроса о хулиганстве среди молодежи; подавляющее большинство фактов в этой части статьи взято из детального отчета этой бригады. Можно предположить, что подобные исследования, проводись бы они в других городах, смогли бы нарисовать подобную же картину. Всего в Ростовской области в 1955 году к уголовной ответственности было привлечено 4084 человека; среди них в возрасте 12-17 лет – 619 человек, 18-24 лет – 1708 человек, 25-29 лет – 1757 человек. Среди них за убийство были привлечены 3 человека, за разбойное нападение – 127, за изнасилование – 22, за кражу государственного и личного имущества – 402 человек. Изменение цифр, касающихся молодежной преступности в Ростове, в целом соответствует тенденциями статистики по всей РСФСР, хотя темпы роста ростовских цифр несколько выше. Так, если в Ростове в 1954 году из тех, кого официальные источники именуют молодежью (не расшифровывая возрастных границ этой категории, но, скорее всего, имея в виду молодых людей в возрасте от 12 до 29 лет), к суду были привлечены 702 человека за 509 отдельных уголовных преступлений, то в 1955 году эта цифра составила 827 человек за 617 преступлений. Несколько выделяются преступления подростков в возрасте от двенадцати до семнадцати лет: за 1953 год статистика насчитала 39 уголовных преступлений, за 1954 год – 123, за 1955 – 191 преступлений³⁴.

Отчет бригады ЦК ВЛКСМ о криминальных «штабах» чаще всего опирается на расследования милиции. Одна из таких групп, раскрытая милицией в городе Ростове, состояла из учеников средней школы и рабочих завода «Ростельмаш», она включала в себя немалое количество комсомольцев³⁵. Эта группа собиралась

³² Козлов А. «Козел на саксе» – и так всю жизнь. М., 1998. С. 55-68.

³³ Кара-Мурза С.Г. «Совок» вспоминает... М., 2002.

³⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 813. Л. 9-10.

³⁵ Надо помнить, что на данный момент далеко не все молодые люди принадлежали к комсомолу, особенно в школьном возрасте. Только к 1958 году более чем половина молодых

в подвале жилого дома поселка Ростельмаш; по словам отчета бригады ВЛКСМ, «чтобы в подвал не попадали посторонние, участниками сборов был введен пароль, сигнализация, выставлялось охранение». В подвале они «играли в карты, разучивали воровской жаргон и приемы воровства»; принимали в группу только тех, кто «давал денежный взнос, который разыгрывался в карты»; часто бывали драки, особенно среди тех, кто проигрывал. Некоторых членов группы арестовали за разные преступления³⁶. Источник, наполнявший внутреннюю культуру этой группы, более или менее ясен – это представления молодых людей о воровском мире. Анализируя эту группу, сложно назвать ее субкультурой, так как в ее внутреннем мире отсутствовала классовая основа, участниками ее оказывались и школьники, и рабочие. Еще в ней отсутствовали четко выраженная символика и атрибутика (хотя и можно отметить начало «своего» языка, который в будущем мог бы стать одним из символов³⁷), а граница между этой группой и обществом была не особенно строгой: надо было знать о месте сбора и дать денежную сумму, хотя, скорее всего, требовался и некоторый «уличный» стиль поведения, а также потенциально хотя бы шапочное знакомство с одним из участников.

Другое «общество» образовалось в г. Таганроге Ростовской области. Отчет бригады ЦК ВЛКСМ описывает, как в ноябре 1955 года эта группа послала письмо некой гр. Бунякиной, востребовав 100 рублей, которые она незаметно должна положить под камни, «иначе может пролиться кровь за сто рублей». В этом письме, подписанном «Атаманом "Черной стрелы"», обещалось, что будет сделан предупредительный выстрел в ее окно, что и произошло. Милиция, раскрыв данную группу, узнала, что она состоит из молодых людей в возрасте от 15 до 17 лет, учащихся средней школы; их «атаман» был даже членом комсомола. По словам отчета, «арест этой группы учащихся оказался большой неожиданностью для преподавателей и комсомольской организации школы, считавших их дисциплинированными и прилежными учащимися»³⁸. Об этой группе у нас меньше информации, чем о предыдущей, но можно предположить, что важным фактором для ее внутренней культуры была романтика книги Л.Р. Стивенсона «Черная стрела». Важно отметить, что в группе отсутствует фактор классовой борьбы как важный аспект ее формирования и членства, а набор участников зависел, скорее всего, от дружеских связей, а не от особого стиля.

Более подробная информация сохранилась о «обществе» учащихся школ № 1, 3 и рабочих-подростков предприятия № 1 рыбкомбината г. Азова, раскрытом ми-

людей, которые могли бы стать членами комсомола, станут ими. Комсомол еще был в некотором смысле элитной организацией, и таким образом нелегальные действия членов комсомола были особенным объектом внимания властей. Про комсомольскую организацию этих времен см.: Kassof A. *The Soviet Youth Program: Regimentation and Rebellion*. Cambridge, 1965. P. 14-18.

³⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 813. Л. 9.

³⁷ Про важную роль «своего» языка для формирования субкультур см.: Widdicombe, Wooffitt. *The Language of Youth Subcultures*. P. 30-54.

³⁸ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 904. Л. 28-29; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 813. Л. 10.

лицией. В 1953 году некоторые из них «под впечатлением прочитанных книг и просмотренных кинофильмов объединились в организацию под названием "Пиратский крейсер Рот"». Эта организация даже изготовила членские билеты, на обложке которых было написано «Смерть изменникам»; в центре была нарисована эмблема черепа и кости, а внизу стояла надпись «Пиратский крейсер Рот». Белецкий и Заичкин, участники этой группы, «впоследствии признались, что своей целью они ставили: не учиться, не работать, путешествовать, "красиво" жить». Белецкий начал делать финские ножи для членов общества. После раскрытия и ликвидации группы милицией некоторые бывшие участники совершили серьезные преступления. Отчет рассказывает о том, как 20 февраля 1956 года Прядченко, 1938 года рождения, и Ровенским, 1941 года рождения, «был изнасилован и зверски убит» Поляков, 1939 года рождения, на тот момент ученик бондарного завода. После убийства Полякова Прядченко и Камаренко, «боясь, что Ровенский может выдать их», 21 февраля 1956 года «заманили его за город и убили». Эта группа молодых людей, по результатам следствия, вооружилась и «собирались выехать на Кавказ», а изначальная причина убийства Полякова была в том, что он не хотел отдавать Краменко имеющийся у него пистолет. Члены этой группы имели клички вроде Джон Сильвер, Капитан Грей, Билли Бонс, Барон, полученные, как говорит отчет, в организации «Пиратский крейсер Рот». При аресте у одного из них был найден финский нож с надписями «Наши мечты сбудутся», «Англия – владычица морей» и изображением якоря и черепа с костями, что для милиции послужило подтверждением их принадлежности в прошлом к группе «Пиратский крейсер Рот»³⁹. Как указано в отчете, базирующемся на материалах следствия, атрибутика, символика и внутренняя культура «Пиратского крейсера Рот» были позаимствованы из книг вроде романа Л.Р. Стивенсона «Остров сокровищ», а также трофейных фильмов и фольклорных песен о пиратах; наличие членских билетов указывает на влияние официальных комсомольских форм (аналогия с комсомольским билетом), а финские ножи и стремление поездки на Кавказ – на роль криминального мира и исторических традиций свободного казачества. Эта «организация» не имела как базу классовую борьбу, но у нее была более ясно выраженная атрибутика и внутренние культурные практики.

Как показывает доклад на отчетно-выборочной конференции Московского горкома комсомола, подобные «штабы» существовали не только в Ростовской области. По словам секретаря горкома Б.Н. Пастухова, «безделье и ложная романтика» подбивают подростков на такие поступки, «которые потом фигурируют в сводках милиции». Например, Пастухов описывает ситуацию: «Посмотрев несколько раз подряд "Великолепную семерку", группа ребят организовала свою "Семерку" с поэтическим названием "Алёнушка"». Эти молодые люди изготавливали оружие и занимались грабежом. Важно отметить, что то, «чему научил их комсомол, они активно использовали в своей работе. Регулярно проходили соб-

³⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 813. Л. 11.

рания, открытым голосом избирали руководителей, по очереди вели протоколы, даже собирали членские взносы»⁴⁰. Внутренний мир «Алёнушки», таким образом, формировался по крайней мере из двух источников: романтики Дикого Запада и официальных культурных практик комсомола. К сожалению, отсутствует достаточно информации, чтобы делать непосредственные выводы о субкультурном анализе на базе этих данных.

Заключение

В данной статье использованы, в первую очередь, архивные документы, а также мемуары и интервью для освещения того, что советские власти послевоенных и оттепельных годов называли хулиганским поведением или «нарушением общественного порядка» молодыми людьми мужского пола от 12 до 17 лет. В глазах государства это включало драки, грубое отношение к девушкам, пьянство, сквернословие и дебоширство. Подавляющее большинство документов было произведено во время массивной кампании против «нарушения общественного порядка», начавшейся в ранние оттепельные годы. Но то, что государство называло хулиганским поведением подростков и юношей, существовало и в сталинские времена, хотя государство не проявляло особенной тревоги по этому вопросу в поздние сталинские годы. По данным мемуаров и интервью, «дворовая культура» рабочих районов имела достаточно много хулиганства, с подразделениями на «свой» и не «свой», а также негативным отношением к пионерам и комсомольцам – прилежным мальчикам, идущим по «правильному» пути. Эта «дворовая культура» с хулиганскими и «блатными» элементами послужила как важный контекст для криминальных «штабов» подростков и юношей.

Для анализа молодежных «девиантов» чаще всего используется теория субкультур. Но мое исследование показывает, что базовая теория субкультур, популяризованная в 1970-х годах английскими исследователями, недостаточно гибка для анализа этих «штабов». В первую очередь опровергается идея о ключевой роли классовой борьбы, о субкультуре как проявлении протеста репрессированного рабочего класса. В «штабах» присутствуют далеко не только молодые рабочие, но и учащиеся, старшеклассники средних школ. Более того, в некоторых штабах они не только присутствуют, но и преобладают, а иногда там нет никого кроме старшеклассников, вроде тех членов «Черной стрелы» – таких хороших, дисциплинированных учеников, что их учителя и ровесники удивились, когда узнали про их участие в криминальной группе. Более сложная ситуация с границами, отделяющими «клубы» от общества в целом. Если в подвале жилого дома Ростельмаша достаточно было денежного взноса, знания о месте, обладания общей «дворовой культурой», и скорее всего контакта, то в других «обществах»

⁴⁰ ЦАОПИМ. Ф. 635. Оп. 15. Д. 188. Л. 51-52.

требовалась глубокая включенность во внутреннюю культуру, хотя скорее всего преобладала важность сети друзей нежели сами культурные практики: к сожалению, у нас нет достаточной информации об этом аспекте действия «штабов». Надо отметить, что у некоторых «обществ» зарождался внутренний язык – воровской жаргон, и своя символика и атрибутика – череп и кости на финских ножах, «Англия – владычица морей». Все же, эта символика не стала четко выраженной, и, что самое главное, отсутствовало, по большому счету, ее яркое публичное выражение: символика, когда она присутствовала, была на членских билетах и ножах, не публичных объектах. Таким образом, яркое публичное выражение оппозиции, так требуемое для теории субкультуры, отсутствовало в этих «штабах».

Вместе с этим, надо обратить внимание на то, что хотя каждое из этих «обществ» просуществовало не более нескольких лет, в каждом существовал свой внутренний стиль поведения и можно предполагать, что статус членов зависел от компетенции в этом стиле. Эти «штабы» можно объединить тем, что их внутренние культурные практики были неформальными, нонконформистскими и даже анти-конформистскими официально советскому представлению о «правильном» поведении и менталитете молодого человека мужского пола, например, комсомольского активиста, студента-отличника, или молодого рабочего-ударника. Представляется гипотеза, что в криминальных «штабах» молодые люди участвовали в реализации альтернативной маскулинности. Эти альтернативные образы были почерпнуты из нескольких источников. Один источник был элементами «воровского мира» в дворовой культуре: тут можно увидеть образ «вора в законе». Другим послужила романтика заграничных книг и фильмов с тематикой пиратов, «благородных» разбойников и ковбоев – типичных маскулинных «криминальных героев». Всех этих персонажей объединяет романтика криминальности и маскулинности, оппозиция государству и неофициальное мужское сообщество.

Базируясь на этом анализе, можно констатировать, что в случае участников «штабов» коммунистическая партия не смогла достичь своих целей в формировании нового советского молодого человека мужского пола. Нельзя сказать, что официальный образ идеального молодого юноши не повлиял на членов таких «обществ»: наоборот, некоторые из них в своей публичной жизни выполняли социальную роль, предписанную им для успеха в советской социальной системе, как, например, члены «Черной стрелы». Но в своей частной жизни они прямым образом противоречили этим официальным стандартам, принимая участие в культурных практиках, которые советские законы определили как «девиантные», несомненно понимая, что таким образом они идут против государства и общества в целом. Интересно отметить еще одно влияние официальных форм на криминальные «штабы»: присутствие форм, позаимствованных из комсомольских практик и ритуалов, особенно в «Алёнушке», которые использовались для целей, во многом противоположных их изначальному предназначению. В совокупности

все это отражало альтернативный образ маскулинности каждого отдельного «штаба» и в то же самое время формировало личную маскулинность каждого участника, который с каждым действием в контексте «штаба» приближал себя к образу альтернативной маскулинности.